

Человек и его подобие / Индусская легенда

Category: Ertekiler, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Человек и его подобие / Индусская легенда ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПОДОБИЕ

(Посвящается Максиму Горькому и г. Скитальцу)

Когда Магадэва создал человека, – человека приветствовала вся природа.

По пути его на земле выростала трава, чтоб человеку не жестко было ступать.

Когда человек проходил мимо, зеленые лужайки улыбались ему цветами.

Солнце грело человека, а пальмы расправляли свои листья, когда человек садился отдохнуть в их тени.

Птицы хором гремели самые лучшие песни при его приближении.

А маленькие воробьи и трясогузки скакали впереди и кричали:

– Человек идет! Человек идет!

Бананы протягивали ему свои плоды:

– Не хочешь ли ты есть?

И, завидев человека, на кокосовой пальме спешил созреть плод и упасть к ногам человека.

Робкие серны выглядывали из-за лиан, чтобы посмотреть на человека.

Человек был скромн и застенчив.

Он думал, – так как Магадэва дал ему беспокойную, пытливую мысль,

– он думал:

– За что мне все это?

Он старался не ступать по траве, которая выростала на пути, – потому что, касаясь этой травы, краснели его ноги. Его уши краснели, когда раздавались гимны птиц. Краснели руки, когда он дотрагивался до бананов и кокосовых орехов, падавших на его

пути.

Он потуплял глаза, чтоб не видеть воробьев и трясогузок, скакавших впереди него и кричавших:

– Человек идет! Человек идет!

Потупив голову, боясь дышать, он проходил мимо лужаек, на которых в честь него расцветали душистые цветы.

И боялся глядеть по сторонам, чтоб не увидеть любопытных и восхищенных взглядов спрятавшихся в лианах пугливых серн.

Он стыдливо и с замешательством думал:

– Чем я заслужил все это?

А цветы продолжали расцветать при его появлении, пальмы расправлять свои листья, когда он садился под ними, маленькие воробьи и трясогузки озабоченно скакать впереди и всех предупреждать:

– Человек идет! Человек идет!

Пугливые серны не переставали любоваться им своими прекрасными глазами. Тогда человек подумал:

– Они видят меня и воздают почести. А я не понимаю, за что. Быть может, это потому, что я не вижу себя? И человек стал думать:

– Как бы мне увидеть себя? Что во мне достойного таких восторгов?

Заснувший пруд отражал в своей блестящей глади деревья и цветы, росшие на берегу, синее небо и белые, плывшие по небу облака. Человек сказал себе:

– Вот!

И с вопросом наклонился над спящею блестящею гладью воды. И вода ответила ему:

– Ты прекрасен!

В воде отразилось лицо, полное пытливой мысли, и глубокие глаза, горевшие огнем. Человек отшатнулся и сказал:

– Теперь я начинаю понимать! Это не глупый воробей, не трясогузка. Воде можно верить. Вода не станет лгать. Ведь не лжет же она, отражая небо, облака, деревья и цветы.

Он снова наклонился над водой и долго смотрел на лицо, ему новое, до сих пор незнакомое.

– А действительно, – сказал человек, – я удался Магадзве. И

Магадана имеет право гордиться, что меня сотворил! Он выбрал для этого удачный миг. Миг, когда был полон, видно, вдохновенья! Должно быть, каждое движение мое так же полно красоты, если все восхищается, глядя на меня?

И, повернувшись спиной к солнцу, человек стал спрашивать землю:

– Красив ли я?

Он делал телодвижение, шел, поднимал руки к небу, протягивал их, словно срывает цветы и плоды. И глядел на свою тень на земле. И земля отвечала человеку:

– Ты красив! Красиво каждое твое движение!

Тогда, налюбовавшись своею тенью, человек радостно сказал:

– Теперь я понял все!

И крикнул воробьям и трясогузкам:

– Вперед! Кричите громче. Я иду!

Человек стал горд.

Ложась отдохнуть под пальмами, он с неудовольствием глядел вверх:

– Какие глупые пальмы! Почему они недостаточно широко раскрыли свои листья? Знают ли они еще, кто под ними лежит?

Проходя мимо лужаек, расцветавших цветами, он останавливался и считал цветы.

– Сегодня не особенно много. Можно было бы расцвести и посильнее!

Почему на этом стебельке нет цветка?

И когда воробьи и трясогузки робко чирикали ему в ответ:

– На этой травке никогда не бывает цветков!

Человек сердился:

– Могла бы расцвести, когда я приближаюсь! Зачем иначе и расти такой глупой траве? Просто, вы виноваты... Недостаточно громко кричали о моем приближении! Вы созданы Магадэвой для того, чтобы скакать вперед и возвещать, что я иду! А вы! Как выполняете вы заповедь Магадэвы?

Он отбрасывал ногой падавшие на его пути кокосовые орехи:

– Эти недостаточно крупны для меня!

И от гордости частенько голодал, потому что не хотел протянуть руки к бананам, которые огромными кистями тянулись к нему:

– Могли бы быть для меня и пожелтее!

На лице его теперь часто было написано недовольство. Он оглядывался кругом:

– Почему мало серн выглядывает из лиан на меня?

Воробьи и трясогузки с трепетом отвечали ему:

– Они пугливы, человек!

– В таком случае, прикажите замолчать птицам. Это они своим шумом и гамом пугают робких серн и мешают им любоваться мною. Да и надоели мне песни этих глупых птиц! Они поют недостаточно стройно и красиво в честь меня. Пусть лучше молчат, чем петь гимны, недостойные меня по красоте!

Если человек просыпался до восхода солнца, он сердился:

– Чего медлит это солнце? Чего оно теряет даром время, вместо того, чтобы прийти любоваться мною? Вот я уже не сплю, а оно еще не взошло.

Когда спускался вечер, и в небе загорались звезды, человек смеялся и приветливо махал им рукой.

– Ничего, ничего! Высыпайте толпой на небо! Вам захотелось полюбоваться мною? Выходите толпами и смотрите!

Так гордился человек своей красотой.

Магадэва на небе много смеялся над гордостью человека, но, наконец, Магадэве это надоело.

– Этому надо положить предел! – сказал Магадэва. – Это становится глупым!

И Магадэва создал обезьяну.

Проворно она спустилась с дерева и пошла рядом с человеком.

– Это что за чучело? – удивился человек, и что-то знакомое показалось ему в фигуре, шагавшей рядом с ним.

Все кругом с удивлением смотрело на человека и обезьяну, шедших рядом.

Человек нюхал цветы, расцветавшие по пути, и обезьяна нюхала их.

У человека на лице было написано удовольствие, и у обезьяны на лице было написано удовольствие.

Пугливые серны, выглядывавшие из-за лиан, спрашивали с недоумением друг друга:

– Кто же из них человек?

И даже воробьи и трясогузки скакали теперь задом наперед и с удивлением смотрели то на того, то на другого, крича:

– Вот идут люди! Люди идут! Люди!

Человек вспомнил свое изображение в воде, поглядел на обезьяну и с досадой сказал самому себе:

– А ведь похожи!

Но он не понимал:

– Как же так? Я красив, – это безобразно. А все-таки мы похожи друг на друга?

Он сел и погрузился в глубокую думу.

Обезьяна села рядом и тоже сделала вид, что погрузилась в глубокую думу. Человек пошевелился. Обезьяна пошевелилась.

Человек встал и с досадой быстро пошел прочь. Но и обезьяна вскочила и также быстро пошла с ним рядом.

Человек расхохотался, глядя на ее раздосадованный и озабоченный вид.

Лицо у обезьяны все сморщилось, и она схватилась за бока. Человек перестал смеяться.

– Неужели это, действительно, так безобразно?

И обезьяна нахмурилась.

Человек отбрасывал попадавшие на его пути кокосовые орехи.

Обезьяна делала то же.

Человек снова не мог удержаться от хохота:

– Неужели же так смешно то, что я делаю?

И перестал делать это.

Обезьяна шла рядом и повторяла каждое его движение. И человек с ужасом видел:

– Точь-в-точь, как я!

Настал вечер.

И когда человек, увидев звезды, по обыкновению приветливо и снисходительно замахал им руками, обезьяна тоже подняла передние руки кверху и тоже замахала, – так что человек расхохотался и стал кататься по траве:

– Великий Магадзва! Как это смешно, и глупо, и некрасиво!

Так обезьяна повторяла каждое движение человека.

И человек боялся уже сделать лишнее движение, чтоб его не повторила обезьяна, и чтоб оно не вышло глупым и смешным.

Человек стал скромно ходить по земле, боясь, чтоб обезьяна, ходившая рядом, не сделала сейчас же смешного движения.

Он боялся взглянуть по сторонам, потому что ему стыдно было пугливых серн, видевших его и обезьяну идущими рядом. Когда загремел хор птиц, человек покраснел:

— Что ж во мне красивого, раз обезьяна похожа на меня?

И он стыдливо старался не топтать травы, росшей на его пути.

Скромными улыбками отвечал на цветы, которыми улыбалась ему земля.

И, вспоминая каждое свое движение, как его передразнивала обезьяна, думал про себя: — За что, за что мне все эти почести?

Человек стал вновь скромн и стыдлив.

Так, индусы, все создано Магадэвой со смыслом и на пользу. Все.

Влас ДОРОШЕВИЧ. Ertekiler